

Николай Михайлович Карамзин

**Прекрасная царевна и
счастливый карла**

Николай Михайлович Карамзин

Прекрасная царевна и счастливый карла

«О вы, некрасивые сыны человечества, безобразные творения шутливой природы! вы, которые ни в чем не можете служить образцом художнику, когда он хочет представить изящность человеческой формы! вы, которые жалуетесь на природу и говорите, что она не дала вам способов нравиться и оградила для вас источник сладчайшего удовольствия в жизни – источник любви! не отчаивайтесь, друзья мои, и верьте, что вы еще можете быть любезными и любимыми, что услужливые Зефиры ныне или завтра могут принести к вам какую-нибудь прелестную Псишу, которая с восторгом бросится в объятия ваши и скажет, что нет ничего милее вас на свете...»

**Николай Михайлович
Карамзин**

**Прекрасная царевна и
счастливый карла**

***Старинная сказка, или Новая
карикатура***

Вы, некрасивые сыны человечества, безобразные творения шутливой природы! вы, которые ни в чем не можете служить образцом художнику, когда он хочет представить изящность человеческой формы! вы, которые жалуетесь на природу и говорите, что она не дала вам способов нравиться и заградила для вас источник сладчайшего удовольствия в жизни – источник любви! не отчаивайтесь, друзья мои, и верьте, что вы еще можете быть любезными и любимыми, что услужливые Зефиры ныне или завтра могут принести к вам какую-нибудь прелестную Псишу, которая с восторгом бросится в объятия ваши и скажет, что нет ничего милее вас на свете. Выслушайте следующую повесть.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был *Царь добрый человек*, отец единой дочери, царевны прекрасной, милой сердцу родителя, любезной всякому чувствительному сердцу, редкой, несравненной. Когда *Царь добрый человек*, одеянный богатою багряницею, увенчанный венцом сапфино-рубиновым, сидел на высоком троне среди народного множества и, держа в правой руке

златой скипетр, судил с правдою своих подданных; когда, вздыхая из глубины сердца, изрекал приговор должного наказания, тогда являлась прекрасная Царевна, смотрела прямо в глаза родителю, подымала белую руку свою, простирала ее к судящему, и пасмурное лицо правосудия вдруг озарялось солнцем милости, виновный, спасенный ею, клялся в душе своей быть с того времени добрым подданным царя доброго. Бедный ли приближался к Царевне? она помогала ему; печальный ли проливал слезы? она утешала его. Все сироты в пространной области Царя доброго человека называли ее матерью, и даже те, которых сама природа угнетала, несчастные, лишенные здоровья, облегчались ее целительною рукою, ибо Царевна совершенно знала науку врачевания, тайные силы трав и минералов, рос небесных и ключей подземных. Такова была душа Царевнина. Телесную красоту ее описывали все стихотворцы тогдашних времен, как лучшее произведение искусной природы, а стихотворцы были тогда не такие льстецы, как ныне; не называли они черного белым, карлы великаном и безобразия примером

стройности. В древнем книгохранилище удалось мне найти одно из сих описаний; вот верный перевод его:

«Не так приятна полная луна, восходящая на небе между бесчисленными звездами, как приятна наша милая *Царевна*, гуляющая по зеленым лугам с подругами своими; не так прекрасно сияют лучи светлого месяца, посребряя волнистые края седых облаков ночи, как сияют золотые волосы на плечах ее; ходит она, как гордый лебедь, как любимая дочь неба; лазурь эфирная, на которой блистает звезда любви, звезда вечерняя, есть образ несравненных глаз ее, тонкие брови, как радуги, изгибаются над ними, щеки ее подобны белым лилеям, когда утренняя заря красит их алым цветом своим; когда же отверзаются нежные уста *прекрасной Царевны*, два ряда чистейших жемчужин прельщают зрение; два холмика, вечным туманом покрытые... Но кто опишет все красоты ее?»

Крылатая богиня, называемая Славою, была и в те времена так же словоохотлива, как ныне. Летая по всей подсолнечной, она рассказывала чудеса о *прекрасной Царевне* и не

могла об ней наговориться. Из-за тридевяти земель приезжали царевици видеть красоту ее, разбивали высокие шатры перед каменным дворцом *Царя доброго человека* и приходили к нему с поклоном. Он знал причину их посещения и радовался сердечно, желая достойного супруга милой своей дочери. Они видели прекрасную *Царевну* и воспламенялись любовью. Каждый из них говорил *Царю доброму человеку*: «*Царь добрый человек! Я приехал из-за тридевяти земель, тридесятого царства; отец мой владеет народом бесчисленным, землею прекрасною; высоки терема наши, в них сияет серебро и золото, отливают разноцветные бархаты. Царь! отдай за меня дочь свою!*» – «*Ищи любви ее!*» – отвечал он, и все царевици оставались во дворце его, пили и ели за столом дубовым, за скатертью *бранною*, вместе с *Царем* и с *Царевною*. Каждый из них смотрел умильными глазами на прекрасную, и взорами своими говорил весьма ясно: «*Царевна! полюби меня!*» Надобно знать, что любовники были в старину робки и стыдливы, как красные девушки, и не смели словесно изъясняться с владычицами сердец своих.

В наши времена они гораздо смелее, но зато *красноречие взоров* потеряло ныне почти всю силу. Обожатели *прекрасной Царевны* употребляли еще другой способ к изъявлению своей страсти, способ, который также вышел у нас из моды. А именно, всякую ночь ходили они под окно *Царевнина* терема, играли на бандурах и пели тихим голосом жалобные песни, сочиненные стихотворцами их земель; каждый куплет заключался глубокими вздохами, которые и каменное сердце могли бы тронуть и размягчить до слез. Когда пять, шесть, десять, двадцать любовников сходились там в одно время, тогда они бросали жеребий, кому петь прежде, и всякий в свою очередь начинал воспевать сердечную муку; другие же, поджав руки, ходили взад и вперед и посматривали на окно *Царевнино*, которое, однако ж, ни для кого из них не отворялось. Потом все они возвращались в свои шатры и в глубоком сне забывали любовное горе.

Таким образом проходили дни, недели и месяца. *Прекрасная Царевна* взглядывала на того и на другого, на третьего и на четвертого, но в глазах ее не видно было ничего, кро-

ме холодного равнодушия к женихам ее, царевичам и королевичам. Наконец все они приступили к *Царю доброму человеку* и требовали единодушно, чтобы прекрасная дочь его объявила торжественно, кто из них нравен сердцу ее. «Довольно прожили мы в каменном дворце твоём, – говорили они, – поели хлеба-соли твоей и меду сладкого не одну бочку опорожнили; время, возвратиться нам во свои страны, к отцам, матерям и родным сестрам. *Царь добрый человек!* мы хотим ведать, кто из нас будет зятем твоим». *Царь* отвечал им сими словами: «Любезные гости! если бы вы и несколько лет прожили во дворце моем, то, конечно бы, не наскучили хозяину, но не хочу удерживать вас против воли вашей и пойду теперь же к *Царевне*. Не могу ни в чем принуждать ее; но кого она выберет, тот получит за нею в приданое все царство мое и будет моим сыном и наследником:». *Царь* пошел в терем к дочери своей. Она сидела за пяльцами и шила золотом, но, увидев родителя, встала и поцеловала руку его. Он сел подле нее и сказал ей словами ласковыми: «Милая, разумная дочь моя, *прекрасная Царевна!*

ты знаешь, что у меня нет детей, кроме тебя, света очей моих; род наш должен царствовать и в будущие веки: пора тебе о женихе думать. Давно живут у нас царевичи и прельщаются красотой твоею, выбери из них супруга, дочь моя, и утешь отца своего!» *Царевна* долго сидела в молчании, потупив в землю голубые глаза свои; наконец подняла их и устремила на родителя, тут две блестящие слезы скатились с алых щек ее, подобно двум дождевым каплям, свеваемым с розы дуновением зефира. «Любезный родитель мой! – сказала она нежным голосом. – Будет мне время горевать замужем. Ах! и птички любят волю, а замужняя женщина не имеет ее. Теперь я живу и радуюсь; нет у меня ни забот, ни печали; думаю только о том, чтобы угождать моему родителю. Не могу ничем опорочить царевичей, но позволь, позволь мне остаться в девическом моем тереме!» *Царь добрый человек* прослезился. «Я нежный отец, а не тиран твой, – отвечал он *Царевне*, – благоразумные родители могут управлять склонностями детей своих, но не могут ни возбуждать, ни перемещать оных; так искусный кормчий

управляет кораблем, но не может сказать тишине: *превратися в ветер!* или восточному ветру: *будь западным!*» Царь добрый человек обнял дочь свою, вышел к принцам и сказал им с печальным видом и со всевозможною учтивостью, что *прекрасная Царевна* ни для кого из них не хочет оставить девического своего терема. Все царевичи приуныли, призадумались и повесили свои головы, ибо всякий из них надеялся быть супругом *прекрасной Царевны*. Один утирался белым платком, другой глядел в землю, третий закрывал глаза рукою, четвертый щипал на себе платье, пятый стоял, прислонясь к печке, и смотрел себе на нос, подобно индийскому брамину, размышляющему о естестве души человеческой, шестой... Но что в сию минуту делал шестой, седьмой и прочие, о том молчат летописи. Наконец, все они вздохнули, – так сильно, что едва не затряслись каменные стены, – и томным голосом принесли хозяину благодарность за угощение. В одно мгновение белые шатры перед дворцом исчезли, царевичи сели на коней и с грусти помчались во весь дух, каждый своею дорогою; пыль поднялась стол-

бом и опять легла на свое место.

В царском дворце стало все тихо и смирно, и *Царь добрый человек* принялся за обыкновенное дело свое, которое состояло в том, чтобы править подданными, как отец правит детьми, и распространять благоденствие в подвластной ему стране, — дело трудное, но святое и приятное! Однако ж у хлебосола редко бывает без гостей, и скоро по отъезде принцев приехал к царю странствующий астролог, гимнософист, маг, халдей, в высокой шапке, на которой изображены были луна и звезды, прожил у него несколько недель, водил за стол *прекрасную Царевну*, как должно учтивому кавалеру, пил и ел по-философски, то есть за пятерых, и беспрестанно говорил об умеренности и воздержании. Царь обходился с ним ласково, расспрашивал его о происшествиях света, о звездах небесных, о рудах подземных, о птицах воздушных и находил удовольствие в беседе его. К чести сего странствующего рыцаря должно сказать, что он имел многие исторические, физические и философические сведения, и сердце человеческое было для него не совсем *тарабарскою*

грамотою, то есть он знал людей и часто угадывал по глазам самые сокровеннейшие их чувства и мысли. В нынешнее время называли бы его – не знаю чем, но в тогдашнее называли мудрецом. Правда, что всякий новый век приносит с собою новое понятие о сем слове. Сей мудрец, собравшись, наконец, ехать от *Царя доброго человека*, сказал ему сии слова: «В благодарность за твою ласку, – (и за *твой хороший стол*, – мог бы он примолвить), – открою тебе важную тайну, важную для твоего сердца. *Царь добрый человек!* Ничто не скрыто от моей мудрости, не сокрыта от нее и душа твоей дочери, *прекрасной Царевны*. Знай, что она любит и хочет скрывать любовь свою. Растение, цветущее во мраке, прозябает и лишается красоты своей; любовь есть цвет души. Я не могу сказать более. Прости!» Он пожал у *Царя* руку, вышел, сел на осла и поехал в иную землю.

Царь добрый человек стоял в изумлении и не знал, что думать о словах мудрецовых: верить ли им или не верить, как вдруг явилась *Царевна*, поздравила отца своего с добрым утром и спросила, спокойно ли спал он в про-

пешную ночь? «Очень беспокожно, любезная дочь моя! – отвечал *Царь добрый человек*. – Душу мою тревожили разные неприятные сны, из которых один остался в моей памяти. Мне казалось, что я вместе со многими людьми пришел к дикой пещере, в которой смертные узнавали будущее. Всякий из нас желал о чем-нибудь спросить судьбу; всякий по очереди входил в сумрачный грот, освещенный одною лампадою, и писал на стене вопрос, через минуту на том же месте огненными буквами изображался ответ. Я хотел знать, скоро ли будут у меня милые внучата? и к ужасу моему увидел сии слова: *может быть, никогда*. Рука моя дрожала, но я написал еще другие вопросы: *Разве у дочери моей каменное сердце? разве она никогда любить не будет?* Последовал другой ответ: *Она уже любит, но не хочет открыть любви своей и крушится тайне*. Тут слезы покатались из глаз моих; тронутое мое сердце излилось в нежных жалобах на тебя, прекрасная Царевна! Чем я заслужил такую неискренность, такую недоверенность? Будет ли отец врагом любезной своей дочери? Могу ли противиться сердечно-

му твоему выбору, милая Царевна? Не всегда ли желания твои были мне законом? Не бросался ли я на старости лет моих за тою бабочкою, которую ты хвалила? Не собственною ли рукою поливал я те цветочки, которые тебе нравились?» Тут Царевна заплакала, схватила руку отца своего, поцеловала ее с жаром, сказала: «Батюшка! батюшка!» – взглянула ему в глаза и ушла в свой терем.

«Итак, мудрец сказал мне правду, – размышлял Царь добрый человек, – она не могла скрыть своего внутреннего движения. Жестокая! думал ли я... И для чего таить? Для чего было не сказать, который из царевичей пленил ее сердце? Может быть, он не так богат, не так знатен, как другие; но разве мне надобны богатства и знатность? Разве мало у меня серебра и золота? Разве он не будет славен по жене своей? Надобно все узнать». Он в ту же минуту решился идти к прекрасной Царевне, подошел к дверям ее терема и услышал голос мужчины, который говорил: «Нет, прекрасная Царевна! никогда отец твой не согласится признать меня зятем своим!» Сердце родителя сильно затрепетало. Он растворил дверь...

Но какое перо опишет теперь его чувства? Что представилось глазам его? Безобразный придворный карла, с горбом наперед, с горбом назад, обнимал Царевну, которая, проливая слезы, осыпала его страстными поцелуями! Царь окаменел. Прекрасная Царевна бросилась перед ним на колени и сказала ему твердым голосом: «Родитель мой! умертви меня или отдай за любезного, милого, бесценного карлу! Никогда не буду супругою другого. Душа моя живет его душою, сердце мое его сердцем. В жизни и в смерти мы неразлучны». Между тем карла стоял покойно и смотрел на царя с почтением, но без робости. Царь долго был неподвижен и безгласен. Наконец, воскликнув: «Что я вижу? что слышу?», упал на кресла. Царевна обнимала его колени. Он взглянул на нее так, что прекрасная не могла снести сего взора и потупила глаза в землю. «Ты, ты...» – голос его перервался. Он посмотрел на карлу, вскочил, хлопнул дверью и ушел.

«Как, как могла прекрасная Царевна полюбить горбатого карлу?» – спросит, или не спросит, читатель. Великий Шекспир гово-

рит, что причина любви бывает без причины: хорошо сказано для поэта! но психолог тем не удовольствуется и захочет, чтобы мы показали ему, каким образом родилась сия склонность, по-видимому невероятная. Древние летописи, в изъяснение такого нравственного феномена, говорят следующее.

Придворный карла был человек отменно умный. Видя, что своенравная натура произвела его на свет маленьким уродцем, решил он заменить телесные недостатки душевными красотами, стал учиться с величайшею прилежностью, читал древних и новых авторов и, подобно афинскому ритору Демосфену, ходил на берег моря говорить волнам пышные речи, им сочиняемые. Таким образом скоро приобрел он сие великое, сие драгоценное искусство, которое покоряет сердца людей и самого нечувствительного человека заставляет плакать и смеяться, то дарование и то искусство, которым фракийский Орфей пленял и зверей, и птиц, и леса, и камни, и реки, и ветры – *красноречие!* Сверх того он имел приятный голос, играл хорошо на арфе и гитаре, пел трогательные песни своего со-

чинения и мог прекрасным образом оживлять полотно и бумагу, изображая на них или героев древности, или совершенство красоты женской, или кристальные ручейки, осеняемые высокими ивами и призывающие к сладкой дремоте утомленного пастуха с пастушкой. Скоро слух о достоинствах и талантах чудного карлы разнесся по всему городу и всему государству. Все искали его знакомства: и старые, и молодые, и мужчины, и женщины – одним словом, умный карла вошел в превеликую моду. Важная услуга, оказанная им отечеству... Но о сем будет говорено в другом месте.

Когда *прекрасной Царевне* было еще не более десяти или двенадцати лет от роду, умный карла ходил к ней в терем сказывать сказки о благодетельных феях и злых волшебниках, под именами первых описывал он святые добродетели, которые делают человека счастливым, под именами последних гибельные пороки, которые ядовитым дыханием своим превращают цветущую долину жизни в юдоль мрака и смерти. *Царевна* часто проливала слезы, слушая горестные похождения

любезных принцев и принцесс, но радость сияла на прекрасном лице ее, когда они, преодолев наконец многочисленные искушения рока, в объятиях любви наслаждались всею полнотою земного блаженства. Любя повести красноречивого карлы, неприметно полюбила она и повествователя, и проницательные глаза ее открыли в нем самом те трогательные черты милой чувствительности, которые украшали романтических его героев. Сердце ее сделало, так сказать, нежную привычку к его сердцу, у которого научилось оно чувствовать. Самая наружность карлы стала ей приятна, ибо сия наружность была в глазах ее образом прекрасной души; и скоро показалось царевне, что тот не может быть красавцем, кто ростом выше двадцати пяти вершков и у кого нет наперед и назад горба. Что принадлежит до нашего героя, то он, не имея слепого самолюбия, никак не думал, чтобы Царевна могла им плениться, а потому и сам был почти равнодушен к ее прелестям, ибо любовь не рождается без надежды. Но когда в минуту живейшей симпатии прекрасная сказала ему: «Я люблю тебя!», когда вдруг откры-

лось ему поле такого блаженства, о котором он прежде и мечтать не осмеливался, тогда в душе его мгновенно вспыхнули глубоко таившиеся искры. В восторге бросился он на колени перед *Царевною* и воскликнул в сладостном упоении сердца: *ты моя!* Правда, что он скоро образумился, вспомнил высокий род ее, вспомнил себя и закрыл руками лицо свое, но Царевна поцеловала его и сказала: «*Я твоя или ничья!*» Девическая робость не позволяла ей открыться родителю в своей страсти.

«Сия любовь *прекрасной Царевны* хотя и кумному, но безобразному карле, – говорит один из насмешников тогдашнего времени, – приводит на мысль того царя древности, который смертельно влюбился в лягушечьи глаза и, созвав мудрецов своего государства, спросил у них, что всего любезнее? «*Цветущая юность*», – отвечал один по долгом размышлении; «*Красота*», – отвечал другой; «*Науки*», – отвечал третий; «*Царская милость*», – отвечал четвертый с низким поклоном, и так далее. Царь вздохнул, залился слезами и сказал: «*Нет, нет! Всего любезнее – лягушечьи глаза!*»

Теперь обратимся к нашей повести. Мы сказали, что *Царь добрый человек* хлопнул дверью и ушел из царевнина терема, но не сказали куда. Итак, да будет известно читателям, что он ушел в свою горницу, заперся там один, думал, думал и наконец призвал к себе карлу, потом *прекрасную Царевну*, говорил с ними долго и с жаром, но как и что, о том молчит история.

На другой день было объявлено во всем городе, что *Царь добрый человек* желает говорить с народом, и народ со всех сторон окружил дворец, так что негде было пасть яблоку. Царь вышел на балкон, и когда восклицания: «*Да здравствует наш добрый государь!*» умолкли, спросил у своих подданных: «*Друзья, любите ли вы Царевну?*» Тысячи голосов отвечали: «*Мы обожаем прекрасную!*»

ЦАРЬ. Желаете ли, чтобы она избрала себе супруга?

ТЫСЯЧИ ГОЛОСОВ. Ах! Желаем сердечно! Он должен быть твоим наследником, *Царь добрый человек!* Мы станем любить его, как тебя и дочь твою любим.

ЦАРЬ. Но довольны ли вы будете ее выбо-

ром?

ТЫСЯЧИ ГОЛОСОВ. Кто мил *Царевне*, тот мил и твоим подданным!

В сию минуту поднялся на балконе занавес, явилась *прекрасная Царевна* в снегоцветной одежде, с распущенными волосами, которые, как златистый лен, развевались на плечах ее, взглянула, как солнце, на толпы народные, и миллионы диких людей покорились бы сему взору. Карла стоял подле нее, спокойно и величаво смотрел на волнующийся народ, нежно и страстно на *Царевну*. Тысячи восклицали: «*Да здравствует прекрасная!*»

Царь, указывая на карлу, сказал: «Вот он, тот, кого *Царевна* вечно любить клянется и с кем хочет она соединиться навеки!»

Все изумились, потом начали жужжать, как шмели, и говорили друг другу: «Можно ли, можно ли... То ли нам слышалось? Как этому быть? Она прекрасна, она царская дочь, а он карла, горбат, не царский сын!»

«*Я люблю его*», – сказала *Царевна*, и после сих слов карла показался народу почти красавцем.

«Вы удивляетесь, – продолжал *Царь добрый*

человек, – но так судьбе угодно. Я долго думал и наконец даю свое благословение. Впрочем, вам известно, что он имеет достоинства; не забыли вы, может быть, и важной услуги, оказанной им отечеству. Когда варвары под начальством гигантского царя своего, как грозная буря, приближались к нашему государству; когда серп выпал из рук устрешенного поселянина и бледный пастух в ужасе бежал от стада своего, тогда юный карла, один и безоружен, с масличною ветвию явился в стане неприятельском и запел сладостную песнь мира; умиление изобразилось на лицах варварских, царь их бросил меч из руки своей, обнял песнопевца, взял ветвь его и сказал: *«Мы друзья!»* Потом сей грозный гигант был мирным гостем моим, и тысячи его удалились от страны нашей. *«Чем наградить тебя?»* – спросил я тогда у юного карлы. *«Твоей милостию»*, – отвечал он с улыбкою. *«Теперь...»*

Тут весь народ в один голос воскликнул: *«Да будет он супругом прекрасной Царевны! да царствует над нами!»*

Торжественная музыка загремела, загреме-

ли хоры и гимны, *Царь добрый человек* сложил руки любовников, и бракосочетание совершилось со всеми пышными обрядами.

Карла жил долго и счастливо с прекрасною своею супругою. Когда *Царь добрый человек*, после деятельной жизни, скончался блаженною смертию, то есть заснул, как утомленный странник при шуме ручейка на зеленом лугу засыпает, тогда зять его в венце сапфиро-рубинном и с золотым скипетром воссел на высоком троне и обещал народу царствовать с правдою. Он исполнил обет свой, и беспристрастная история назвала его одним из лучших владык земных. Дети его были прекрасны, подобно матери, и разумны, подобно родителю.